

Ю. Д. Анчабадзе

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ
В ТРУДАХ Ф. И. ЛЕОНТОВИЧА**

Федор Иванович Леонтович был одним из виднейших представителей русского обществознания второй половины XIX в. В летопись отечественной науки он вошел прежде всего как историк русского права. Однако широта исследовательских интересов и разносторонность знаний позволили Ф. И. Леонтовичу внести вклад и в ряд смежных областей науки, в частности в этнографию, в тот ее раздел, который в последнее время стали обозначать как юридическая или нормативная этнография¹. Данное обстоятельство делает весьма желательной попытку рассмотреть эту сторону творческого наследия Ф. И. Леонтовича, особенно в связи с исполнившимся недавно 150-летием со дня рождения ученого.

Ф. И. Леонтович родился в 1833 г. в с. Поповке, Конотопского уезда, Черниговской губернии. Отказавшись от духовной карьеры, которую в свое время выбрал его отец, Ф. И. Леонтович поступил на юридический факультет Киевского университета, который окончил в 1860 г. Преподавательская деятельность Ф. И. Леонтовича началась здесь же, в родном университете, где он сначала читал курс лекций по уголовному праву, а затем специализировался по истории русского права. К киевскому периоду относятся и его первые научные опыты. Еще за студенческое сочинение «История постановлений о крепостном состоянии в России во второй четверти XVIII в.» он был награжден золотой медалью, а в 1863 г., уже будучи преподавателем, защитил магистерскую диссертацию «Историико-юридическое исследование о правах литовско-русских евреев»². В 1865 г. Ф. И. Леонтович переходит в Новороссийский (Одесский) университет, в котором проработал более двух десятков лет, исполняя в разные годы обязанности ректора, декана юридического факультета, проректора. По воспоминаниям одного из студентов, его лекции пользовались большой популярностью у учащейся молодежи, как, впрочем, и сам профессор, «к сердцу которого всегда можно было найти дорогу прямым и откровенным к нему обращением»³. В 1892 г. Ф. И. Леонтович занял кафедру истории русского права в Варшавском университете, откуда вышел в отставку в 1902 г. Умер он в 1911 г. в Кисловодске⁴.

Будущее направление научной деятельности Ф. И. Леонтовича определилось еще на университетской скамье. Здесь его учителем был Н. Д. Иванишев — известный русский ученый, который фактически первым заговорил о необходимости для историка русского права сравнительного изучения истории законодательств других славянских народов.

¹ *Периц А. И.* Проблемы нормативной этнографии. — В кн.: Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979.

² Диссертация опубликована в «Киевских университетских известиях», 1864, № 3, 4.

³ *Маркевич А. В.* Двадцатипятилетие императорского Новороссийского университета. — Зап. имп. Новороссийского ун-та (далее — ЗНУ). Одесса, 1890, т. 53, с. 487.

⁴ Подробнее о биографии Ф. И. Леонтовича см.: *Иконников В. С.* Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского университета св. Владимира. Киев, 1884; *Есипов В. В.* Материалы к истории императорского Варшавского университета. Биографические очерки. Варшава, 1913; *Тарановский Ф. В.* Ф. И. Леонтович. Некролог. — Юридические записки. Ярославль, 1911, 1 (7).

Ф. И. Леонтович выступил продолжателем дела Н. Д. Иванишева, причем первый шаг в этом направлении он сделал уже в самом начале своей научной деятельности, когда обратился к сравнительному анализу Русской Правды и Полицкого статута с целью выяснить значение встречающегося в обоих памятниках термина «вервь»⁵. К тому времени вопрос о верви в русской науке не был до конца выяснен. Взгляды исследователей, основанные на комментариях немногочисленных и порой туманных отрывков из Русской Правды, представляли по существу лишь сумму взаимоисключающих догадок и предположений, поэтому новая попытка решить эту проблему была вполне правомерной.

По мнению Ф. И. Леонтовича, в обоих памятниках речь идет об идентичном социальном институте, который при ближайшем рассмотрении обнаруживает полную аналогию с известной по позднейшим этнографическим материалам задругой — большесемейной организацией югославянских народов. Вервно-задружное устройство, по мысли Ф. И. Леонтовича, искони было присуще древнему славянскому быту. Отсюда его критика точки зрения ряда ученых, искавших неславянские, в частности норманские, корни древнерусской верви. В целом точка зрения Ф. И. Леонтовича на природу верви была неверна⁶. Однако, привлекая к исследованию наряду со статьями Русской Правды данные Полицкого статута, он опирался, таким образом на значительно более широкую источниковую базу, чем его предшественники. Уже одно это сделало выступление Ф. И. Леонтовича заметным событием в науке.

В дальнейшем Ф. И. Леонтович продолжил свои изыскания в области сравнительного правоведения. Прежде всего он попытался определить круг источников и исследований по этой проблематике⁷, изучил государственное устройство средневекового Дубровника, в котором, несмотря на значительное влияние венецианского права, нашел немало порядков и учреждений чисто славянского происхождения⁸, провел сравнительное изучение древних законодательных памятников южнославянских народов⁹. В последней работе, защищенной в качестве докторской диссертации, Ф. И. Леонтович пришел к выводу, что многочисленные правовые памятники славянских общин Адриатического побережья в значительной мере основаны на обычно-правовых нормах, которые, таким образом, послужили важнейшим источником для законодателя.

В 1870-х годах Ф. И. Леонтович принял участие в дискуссии об общественном устройстве древнерусских племен в эпоху, непосредственно предшествовавшую образованию государства. В современной ему историографии этот вопрос решался по-разному. И. Ф. Г. Эверс, С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин и др. считали, что в основе общественной организации славян этого периода лежали устои родового быта. К. С. Аксаков, И. Д. Беляев, В. Н. Лешков и другие приверженцы славянофильства утверждали, что для первых веков русской истории было характерно территориально-общинное устройство. Ф. И. Леонтович выдвинул теорию задружно-общинного быта у древнерусских племен¹⁰.

Ф. И. Леонтович считал, что каждый народ в своем развитии проходит три стадии. Первой стадии развития соответствует родовое устройство быта. По мнению Ф. И. Леонтовича, «род — эмбриологическая ступень общежития» — представлял собой замкнутый, недоступный для чу-

⁵ Леонтович Ф. И. О значении верви по Русской правде и Полицкому статуту сравнительно с задругой юго-западных славян. — Журн. Министерства народного просвещения (далее — ЖМНП), 1867, апрель.

⁶ Наиболее аргументированной представляется точка зрения на вервь как на территориальную общину. См., напр.: Греков Б. Д. Большая семья и вервь Русской Правды и Полицкого статута. — Греков Б. Д. Избранные труды. Т. 2. М., 1959.

⁷ Леонтович Ф. И. Указатель источников и исследований по истории славянских законодательств — ЖМНП, 1867, август.

⁸ Леонтович Ф. И. Государственное устройство старого Дубровника. — ЖМНП, 1867, декабрь.

⁹ Леонтович Ф. И. Древнее хорватско-долматское законодательство. — ЗНУ, Одесса, 1868, т. 1, в. 3, 4.

¹⁰ Леонтович Ф. И. Задружно-общинный характер политического быта древней России. — ЖМНП, 1874, июнь, июль, август.

жаков союз кровных родственников, единство которого основано на общности происхождения всех его членов. Роды находятся в постоянном движении, ведут «бродячий, номадный, стадный» образ жизни. Отличительной чертой родового устройства является его «военно-дружинный» характер. По существу, род — это военная дружина, которая добывает средства существования, совершая хищнические набеги на соседей.

Однако с численным ростом племен начинают обнаруживаться неудобства кочевого образа жизни: становится труднее добывать средства к существованию, учащаются военные столкновения с соседями. Вследствие этих причин на смену родовому быту приходит общинное устройство, что, по схеме Ф. И. Леонтовича, соответствует второй стадии исторического развития. На этой стадии племена переходят от кочевого образа жизни к оседлости, после чего начинается «колонизация», т. е. «территориальное, географическое нарастание и укоренение народа». Однако осев на разных территориях, отдельные части племени теряют сознание единства своего происхождения, и теперь в качестве связующего начала выступает не идея кровно-родственных связей, а территориальная общность, единство хозяйственной жизни и социальных условий.

Основной общественной единицей этого периода является семейная община — задруга. Процесс ее образования Ф. И. Леонтович представлял следующим образом. После перехода к оседлости из родов начали выделяться отдельные семьи, которые и стали зародышами задруг. Последние постепенно разрастались, порой принимая в свой состав даже чужеродцев, но члены их продолжали жить вместе, «как в силу экономических условий — целесообразности и выгоды труда общими силами, так и в силу условий социальных — ради самозащиты». В дальнейшем в соответствии с «общими бытовыми интересами» задруги объединялись в более обширные союзы чисто территориального характера — починок, деревня, село, посад, город. Затем вследствие разрастания этих союзов возникают более высокие формы общинной жизни народа — общины волостные, земельные — жупа, земля, волость. Усложнение внутренней жизни общин сделало необходимым появление особых лиц — «нарядников», которые должны были окончательно завершить дело «колонизации» и упорядочения общинной жизни. Таковыми нарядниками оказались Рюриковичи на Руси, Пясты в Польше, Неманичи у югославянских народов. Деятельность князей-нарядников подготовила почву для перехода народа в третью стадию развития — государственную.

Таким образом, по Ф. И. Леонтовичу, ко времени образования у восточных славян государства родовый быт был давно прошедшим этапом их исторического развития, а общественное устройство основывалось на началах задружно-общинной организации.

При всей спорности теории Ф. И. Леонтовича, уязвимость которой была очевидна уже для современников, она оставила глубокий след в русской историографии. Его точка зрения была поддержана такими видными учеными, как К. Н. Бестужев-Рюмин, А. Я. Ефименко и др. Задружно-общинная теория получила определенное признание и у югославянских историков, пытавшихся применить ее для объяснения некоторых особенностей местного быта.

Большое место в научном наследии Ф. И. Леонтовича занимают исследования обычного права. Обращение к этой проблеме не было для него случайностью. С одной стороны, изучая раннюю историю славянских законодательств было невозможно не обратиться к их важнейшему источнику; с другой — изыскания Ф. И. Леонтовича в этом направлении шли в русле общего академического интереса к проблемам происхождения обычного права, его сущности и роли в современной крестьянской действительности, который был характерен для русской историко-правовой науки во второй половине XIX в.¹¹ Ф. И. Леонтович верно указывал

¹¹ Токарев С. А. История русской этнографии (Дюоктябрьский период). М.: Наука, 1966, с. 287—292; Александров В. А. Обычное право в отечественной науке XIX — начала XX в.— Вопросы истории, 1981, № 11.

на причины этого интереса. Одна из них заключалась в том, что обычное право принадлежало «к наименее выясненным и разработанным научным дисциплинам»¹². Однако помимо чисто научной значимости, у указанной проблемы было и прикладное значение, так как «правовые обычаи... имеют немаловажное практическое значение и силу в современной правовой жизни народа»¹³.

В ряде своих работ Ф. И. Леонтович обращался к вопросу о генезисе обычного права¹⁴. К тому времени этот вопрос был не нов. Исходя из различных теоретических посылок, его пытались решить многие исследователи, вследствие чего в литературе царил предельный разнобой. Одно время чрезвычайно популярной была теория происхождения обычного права, основанная на воззрениях исторической школы немецких юристов, особенно на взглядах крупнейшего ее представителя — Пухты. По мнению Пухты, присущие каждому народу обычно-правовые нормы являются производными от некоего «народного духа». Образование и развитие обычного права есть не что иное, как постепенное раскрытие имманентно присущих народному духу принципов, а обычай является лишь формой их выражения. Обычай существует постольку, поскольку в народном духе уже до практики заложена соответствующая норма¹⁵.

Учение Пухты оказало заметное влияние на взгляды многих русских ученых, которые по существу развивали его точку зрения. Так, Н. П. Загоскин считал, что нормы обычного права, «вытекая непосредственно из склада народного духа, из народного мировоззрения, живут в сознании народа, освященные продолжительным и однообразным применением своим к тем или иным отношениям действительной жизни»¹⁶. По мнению С. Шпилевского, «первичное право есть нечто неотъемлемое от духа народа, нечто данное народу, как язык»¹⁷.

С другой стороны, В. Сергеевич высказывал иную точку зрения. Обычное право он выводил из «индивидуального убеждения, проявляющегося в действиях отдельных лиц». В основе этого индивидуального убеждения — «личный интерес, личное усмотрение о том, что должно быть при данных условиях, а не отвлеченная идея правды или справедливости». Инертная сила обыкновения заставляет остальную массу пассивно подражать действиям «передовых людей». Постепенно складывается убеждение в необходимости всем действовать именно так, а не иначе. С этого времени возникает «повальный обычай»¹⁸.

Другой видный представитель русской науки XIX в. — М. Ф. Владимирский-Буданов имел свою точку зрения на процесс образования обычного права. «Первоисточник права, — считал он, — есть природа человека (физическая и моральная), подчиненная таким же законам, как и природа органическая и неорганическая». Будучи последовательным в своих воззрениях, М. Ф. Владимирский-Буданов выводит первые обычные нормы из инстинктов, оставшихся человеку в наследство от животных предков. Именно под этим углом зрения он рассматривает, например, обычай кровной мести. Однако на дальнейшем этапе развития обычное право «про-

¹² Леонтович Ф. И. Заметки о разработке обычного права. — ЖМНП, 1879, июль, с. 113.

¹³ Там же.

¹⁴ Следует отметить, что Ф. И. Леонтович разделял присущий науке его времени взгляд на обычное право как на существовавшее всегда. Между тем советская наука отрицает существование какой бы то ни было формы права в догосударственном обществе, социальная жизнь которого определялась обычаями, мононормами, и считает, что обычное право возникает лишь тогда, когда формирующееся или сформировавшееся государство санкционирует существующие обычаи, придает им юридическую силу. См. об этом: Першиц А. И. Указ. раб.; Синицина И. Е. Обычай и обычное право в современной Африке. М.: Наука, 1978.

¹⁵ Новгородцев П. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. М., 1896, с. 104, 111.

¹⁶ Загоскин Н. П. История права русского народа. Казань, 1899, с. 185.

¹⁷ Шпилевский С. Об источниках русского права в связи с развитием государства до Петра I. — Уч. зап. Казанского ун-та по отд. историко-филологических и политико-юридических наук. В. II. Казань, 1862, с. 258.

¹⁸ Сергеевич В. Лекции и исследования по древней истории русского права. Спб., 1910, с. 9—11.

никается сознанием..., превращаясь из явления природы в действие воли»¹⁹.

Ф. И. Леонтович в целом поддерживал теорию М. Ф. Владимирского-Буданова, но в значительной мере конкретизировал его несколько туманную формулировку. Так, Ф. И. Леонтович считал, что социальные нормы зарождаются под влиянием триады независимых от индивидуальной воли условий. Первое из них — внешняя среда обитания человека, т. е. природно-климатические условия, которые несомненно оказывали существенное влияние на все параметры первоначального человеческого общества. Второе условие — природа самого человека (вероятно, Ф. И. Леонтович имел в виду, что возникновение и накопление социальных черт в поведении людей прямо связано с эволюционным развитием анатомо-физиологических возможностей человеческого организма). В качестве третьего детерминанта назывались «условия людского общежития». Это весьма знаменательное утверждение, которое показывает, что Ф. И. Леонтович, несомненно, учитывал качественное различие между человеческим коллективом и стадным сообществом животных. Возводя вслед за М. Ф. Владимирским-Будановым генезис социальных норм к животным инстинктам, Ф. И. Леонтович вместе с тем понимал, что их дальнейшее развитие происходило уже в условиях «людского общежития», т. е. в принципиально новых условиях социальной практики, возникшей вместе с появлением человека²⁰. Поэтому, как бы ни была примитивна социальная организация человеческих коллективов, внутренние отношения его членов уже регулируются известными обычаями. Он писал: «...где только люди ведут совместную жизнь, там непременно есть и обычаи, ведется ли эта жизнь в формах примитивной культуры звероловного быта, или в формах более развитого и организованного общежития людей»²¹.

С этой точки зрения, Ф. И. Леонтович критиковал, например, В. И. Сергеевича, утверждавшего, что в «начальной истории права каждого общества надо предполагать великую безурядицу»²². Истоки подобного заблуждения Ф. И. Леонтович видел в том, что на начальные этапы социальной истории человечества исследователи смотрели предвзято, неправомерно сопоставляя их с позднейшими эпохами исторического развития. Вследствие этого любое отклонение от кажущейся нормы представлялось хаосом, «великой безурядицей». Между тем сам Ф. И. Леонтович считал, что складывавшиеся уже в первичных человеческих коллективах формы социальной регуляции полностью отвечали специфике начальных этапов исторического развития. В пылу полемики он даже высказал мысль, что обычное право по своей сути «более правильное, чем все позднейшие законные правила и уставы», и, как он говорил, «никогда не могло стоять в таком противоречии с создавшей его жизнью, какое нередко замечается в истории законодательства. Отсутствие же противоречия между жизнью и обычным правом, органическая их связь и солидарность и составляют... первый и главный признак правильности старых порядков и учреждений, целиком коренившихся в народном обычае»²³. Вследствие этого здесь не могло быть произвола отдельных личностей, частное усмотрение не творило обычаи, а слабый не подчинялся сильному — представление, безусловно, несколько идеализированное. Однако нельзя не признать, что исследовательская интуиция не подвела Ф. И. Леонтовича. Сейчас общепризнано, что даже в праобщине гоминид, как бы часто там ни возникали вспышки асоциального поведения, — а многочисленные следы прижизненных травматических повреждений на эндокранах некоторые исследователи объясняют именно этим, — социальное в значительной степени уравнивало биологическое, не

¹⁹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. СПб., 1907, с. 88.

²⁰ Леонтович Ф. И. Старый земский обычай. Одесса, 1889, с. 21.

²¹ Там же, с. 23.

²² Сергеевич В. Указ. раб., с. 13.

²³ Леонтович Ф. И. Задружно-общинный характер политического быта древней России. — ЖМНП. 1874, июль, с. 123.

говоря уже о родовом строе с его основанной на коммуналистских началах жесткой нормативной регламентацией.

Ф. И. Леонтович пытался очертить круг источников для изучения генезиса и стадий развития обычного права. Он считал, что прежде всего нужно обращать внимание на его «манипулятивные» формы. При этом он пытался выстроить некую схему стадийного развития обычного права, в которой «манипулятивные» формы относились к низшей, «первичной», по выражению ученого, эпохе развития общества. На этом этапе, считал он, внешнее выражение обычных норм осуществляется не словесно, а при помощи манипуляций — мимикой, движением рук, всем понятными обрядами и ритуалами. Таковы были обряд «покоры», совершавшийся над убийцей в случае его примирения с родичами убитого, обряд «рукобитья» — символ заключения договора, обряд «смешения крови» — символ побратимства и др. Сохранившись в качестве полнокровно функционировавших реалий в позднейшем быту, они, по мысли Ф. И. Леонтовича, являлись важнейшим источником для реконструкции начальных этапов истории общеправовых норм²⁴.

По вышеупомянутой схеме Ф. И. Леонтовича, вторая стадия развития обычного права характеризуется тем, что ранее бессловесные «манипулятивные» символы и действия постепенно приобретают вербальное выражение в виде кратких афористических изречений, пословиц и т. д. Отражая словесно соответствующую манипуляцию, они, в конечном итоге, закреплялись и далее применялись в строго определенных случаях, в частности «особо приурочивались к процессуальным действиям». Ф. И. Леонтович отмечает, что в первых законодательных памятниках, например в Русской Правде, Псковской судной грамоте и др., которые по существу лишь кодифицировали действовавшие обычные нормы, ряд статей выражался в однообразных формулах, восходящих, несомненно, к древним пословицам и поговоркам. По всей вероятности, законодателью не нужно было искать иную терминологию, поскольку указанные фразеологизмы наиболее полно и недвусмысленно отражали сложившуюся юридическую практику. Поэтому в качестве одного из основных источников изучения обычного права Ф. И. Леонтович называл «юридические» пословицы и поговорки, в которых еще сохранились прямые указания на институты глубокой старины²⁵.

В трудах ученого приведены многочисленные примеры этого рода. В частности, в пословице — «Мертвый у ворот не стоит, а свое возьмет» — он видит воспоминание о «дикой вире», которую некогда выплачивал убийца родичам убитого. Практика решения судебных дел при помощи ордалий отразилась в пословицах — «Железа и змея боится», «Правда тяжелее золота, а на воде всплывает». О решении тяжбы посредством судебного поединка гласит пословица — «В поле две воли, кому бог поможет» и т. д. Всего Ф. И. Леонтовичем было собрано около 170 пословиц и поговорок, так или иначе связанных с нормами обычного права.

Немало ценных сведений о функционировании обычного права, считал Ф. И. Леонтович, можно почерпнуть и в других жанрах устного народного творчества. В данном случае он имел в виду былины, вещбы, песни, мифы, которые содержат немало указаний на формы древнейшего быта, и в частности на историю обычного права²⁶. Правда, в своих работах Ф. И. Леонтович в качестве классического примера часто приводил позднее скомпрометировавшую себя Краледворскую рукопись, однако привлечение для поставленной цели цикла древнерусских былин, старинных сербских песен, собранных Вуком Караджичем, и других фольклорных памятников вполне обоснованно.

Большое внимание Ф. И. Леонтович уделял данным языкознания, которые, по его мнению, во многом могут объяснить сущность бытовавших в прошлом институтов. «Историк-юрист, — писал он, — не в праве об-

²⁴ Леонтович Ф. И. Старый земский обычай, с. 28—29.

²⁵ Там же, с. 32—33.

²⁶ Там же, с. 37—39. Об источниках изучения обычного права см. также: Леонтович Ф. И. История русского права. Одесса, 1869, с. 89—100.

ходиться без помощи филологии. Введение в историю права главнейших выводов, добытых историей языка и сравнительным языкознанием, без всякого сомнения, должно привести к плодотворным результатам, особенно в деле разъяснения вопроса об исходных моментах в истории права данного народа»²⁷. Наиболее плодотворным в этой связи ему представлялось изучение терминологии родства — обширного круга, как он называл «родственных и семейных названий». Однако в целом лингвистические источники Ф. И. Леонтович расценивал как вспомогательные, которые обязательно должны подкрепляться данными смежных областей знаний.

Касаясь методов изучения обычного права, Ф. И. Леонтович определенное значение придавал полевым этнографическим исследованиям, наблюдениям над «живой действительностью». Еще один возможный источник получения полноценной информации по этому кругу проблем, отмеченный им, — многочисленные архивные фонды. «Наши этнографы и юристы, — писал он, — ...оказали бы истинную услугу науке..., если бы хоть между прочим заглядывали и в старые архивы и оттуда извлекали данные, прямо относящиеся к народному быту»²⁸. Этот призыв звучит актуально и в наши дни.

Особый интерес представляют изданные и комментированные Ф. И. Леонтовичем записи обычного права народов южных окраин Российской империи. Первым по времени было издание записей обычного права калмыков²⁹. Правда, некоторые записи ранее не раз публиковались, однако научный уровень этих изданий оставлял желать лучшего. Ф. И. Леонтович первым дал строго проверенный критический текст. Анализируя сущность социальных институтов, отраженных в уставе и уложении, он смог представить развернутую картину общественного быта калмыков в весьма знаменательный период их истории³⁰.

Еще более ценным в научном отношении оказалось изучение Ф. И. Леонтовичем обычного права народов Кавказа, результатом чего было появление его известной публикации «Адаты кавказских горцев»³¹. Толчком, побудившим исследователя заняться этим материалом, было чисто случайное обстоятельство. В архиве Новороссийского университета хранились две объемистые рукописные папки с записями обычно-правовых норм ряда кавказских народов. Это был результат предпринятой царской администрацией в 40—60-х годах прошлого века работы по фиксации адатных норм, действовавших в крае. Причина, заставившая местные власти заняться этим делом, была весьма далека от научных интересов и диктовалась чисто практическими соображениями. Водворившись на Кавказе, царские власти столкнулись с известным дуализмом местной жизни, обусловленным параллельным функционированием в среде горского населения двух нормативных комплексов — адата, с одной стороны, и шариата, с другой. Трудности царской администрации усугублялись еще и тем, что она не имела точного представления ни об одном из них, поэтому возникла настоятельная необходимость познакомиться как с адатом, так и с шариатом.

Инициатором в данном случае выступил крупный кавказский чиновник, полковник Бибигов, в своих рапортах вышестоящему начальству предлагавший «книги шариата перевести с арабского на русский [язык], а правила адата, известные у [горцев] по одним лишь преданиям, собрать для составления сколько возможно более полного из них свода»³². Бибигов даже разработал программу сбора этих сведений. Предложе-

²⁷ Леонтович Ф. И. Старый земский обычай, с. 30.

²⁸ Леонтович Ф. И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий (Цааджин-Бичик). Одесса, 1879, с. 37.

²⁹ Леонтович Ф. И. К истории права русских инородцев; его же. К истории права русских инородцев. Калмыцкое право. Ч. 1. Уложение 1822 г. Одесса, 1880.

³⁰ Авалиани С. Заслуги Ф. И. Леонтовича в изучении обычного права русских инородцев. — Журн. Министерства юстиции, 1911, № 6.

³¹ Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. В. I, II, Одесса, 1882—1883.

³² Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев, в. I, с. 88.

нию Бибикова сразу был дан ход, причем перед исполнителями были поставлены довольно сжатые сроки. Следует отметить, что к порученному им делу военные чиновники подошли с пониманием его важности и необходимости. В штаб командующего войсками стали стекаться рукописи, в которых были зафиксированы сведения, добытые при непосредственных расспросах местных жителей³³. Правда, сборники адатов такниогда и не стали практическим руководством для представителей администрации, действовавших на местах, осев мертвым грузом в войсковых архивах. Последующая судьба папок такова. Каким-то образом они попали к секретарю Ставропольского статистического комитета И. В. Бентковскому. Последний, оценив их научное значение, передал рукописи в дар Новороссийскому университету. Здесь на них и обратил внимание Ф. И. Леонтович.

М. О. Косвен, давая общую характеристику этому труду Ф. И. Леонтовича, указал на ряд недочетов, которые в нем содержатся. Тем не менее он считал, что это издание является «ценнейшей публикацией материала» и «важным источником для изучения общественного строя и обычного права народов Кавказа»³⁴. Уже одно это дает издателю «Ада-тов кавказских горцев» право занять почетное место в истории отечественного кавказоведения.

Прежде всего, своей публикацией Ф. И. Леонтович вводил в научный оборот массу действительно ценнейшего материала, отныне ставшего доступным исследователям, тем более, что до этого горские адаты издавались лишь в минимальной степени. Сам издатель в полной мере понимал всю важность предпринятой им работы. Он указывал, что публикуемые материалы важны для изучения такого малоразработанного вопроса, как обычное право населения многонационального Кавказа. С другой стороны, Ф. И. Леонтович считал, что они представляют существенный интерес и при проведении широких историко-сравнительных исследований. «В обычном праве кавказских горцев,— писал он в предисловии к „Адатам“, ...сохранилось не мало институтов глубокой старины, по своему происхождению и характеру принадлежащих к таким явлениям общественной культуры, которые на первых порах встречались в истории всех народов»³⁵.

Ф. И. Леонтович оказался прав в своих воззрениях на научное значение материалов по обычному праву народов Кавказа. Изучая кавказский историко-этнографический материал, и в частности обычное право, наиболее видные представители русской науки XIX в. сделали замечательные открытия, во многом обогатившие представления о ранних ступенях человеческой истории. Тогда же эти работы были замечены и высоко оценены классиками марксизма. В частности, Ф. Энгельс в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», говоря о роде и его распространенности у разных народов мира, подчеркнул: «Недавно М. Ковалевский обнаружил и описал его у пшавов, хевсуров, сванов и других кавказских племен»³⁶.

Ф. И. Леонтович выступил не просто издателем записей адатов народов Кавказа. В предисловии к книге, обширном предметном указателе с комментариями, он дал первую попытку интерпретации публикуемого материала. Некоторые его наблюдения весьма интересны.

Давая общую оценку уровню социально-экономического развития горских народов Кавказа, Ф. И. Леонтович отмечал, что они находятся

³³ Подробнее о собирании адатов см.: Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке.— Кавказский этнографический сборник (далее — КЭС). I. М.: Изд-во АН СССР, 1955, с. 340—345.

³⁴ Косвен М. О. Указ. раб.— КЭС, III. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 186.

³⁵ Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев, в. I, с. 2.

³⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 130. Следует, однако, заметить, что на родовую организацию у горских народов Кавказа русская наука обратила внимание еще задолго до М. М. Ковалевского. См. раздел: «Проблема общественного строя народов Кавказа в ранней русской этнографии» в кн.: Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

«на переходной ступени от кочевого к оседло-общинному быту»³⁷. Несколько расплывчатая на первый взгляд формулировка прояснится, если вспомнить общен исторические взгляды Ф. И. Леонтовича, о которых говорилось выше при изложении его задружно-общинной теории. Кочевой быт Ф. И. Леонтович считал характерной чертой родового устройства, которое на следующем этапе развития сменяется общиной и основанными на ней качественно новыми порядками социальной жизни. И далее Ф. И. Леонтович фиксирует повсеместное распространение на Кавказе сельскообщинной организации («джамаат»), которая, как он замечает, резко отличается от рода («тухум»). Иными словами, указывая на переходный характер социально-экономической структуры кавказских обществ, Ф. И. Леонтович не поддержал распространенный в историко-этнографической литературе того времени взгляд на Горный Кавказ, как на классическую страну родового строя. Вместе с тем Ф. И. Леонтовичу не удалось осознать того, что и эта переходная ступень была уже пройденным этапом социально-экономического развития местных обществ, которые к середине XIX в. находились на более высоком формационном уровне³⁸.

В «Адатах» Ф. И. Леонтович неоднократно указывал, что пережитки родового быта еще чрезвычайно сильны в жизни кавказских народов. Этот факт, естественно, нашел отражение и в нормах обычного права. В них сохранилось немало данных, «относящихся к вопросу об „архаических формах” горского быта кавказцев»³⁹. Акцентирование этого обстоятельства дало возможность Ф. И. Леонтовичу еще раз подчеркнуть важность обращения исследователей к материалам по обычному праву народов Кавказа в «интересах выяснения общих, коренных законов развития правовых идей и институтов»⁴⁰.

Вместе с тем Ф. И. Леонтович указывал, что горские адаты весьма чувствительны к окружающим условиям, чутко реагируют на соответствующие социальные потребности и в целом являются прямым и непосредственным отражением жизни, местных особенностей быта⁴¹. Отсюда поразительное разнообразие вариантов адатов, их «партикуляризм».

Далее Ф. И. Леонтович подробно рассматривает источники и механизм адатотворчества — третейские суды и общинные сходы, на которых принимались решения, закреплявшиеся позднее практикой в качестве обычая⁴². Он обращает внимание на изменение кавказских народных адатов под влиянием шариата и русского законодательства⁴³, указывает на малоэффективность решительного упразднения горских адатных судов и введения норм русского уголовного права⁴⁴.

Соприкоснувшись с кавказским историко-этнографическим материалом, Ф. И. Леонтович, видимо, заинтересовался им и продолжил свои изыскания. Этим мы обязаны появлению его любопытного труда «О кавдасардах и детях боярских»⁴⁵, с которым он выступил на VI Археологическом съезде в Одессе. Ф. И. Леонтович обратил внимание на своеобразное положение одной социальной прослойки в древнерусском обществе, которая известна в летописях под именем «отроков» или «чади», а в московский период русской истории как «дети боярские». Судя по

³⁷ Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев, в. I, с. 3.

³⁸ Ачябадзе З. В., Робакидзе А. И. К вопросу о природе кавказского горского феодализма. — «Иберийско-кавказское языкознание». XVIII. Тбилиси, 1973; Меликишвили Г. А. К вопросу о характере древних закавказских и средневековых горских северокавказских классовых обществ. — История СССР, 1975, № 6; Робакидзе А. И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе. — Сов. этнография, 1978, № 2; Виноградов В. Б. Генезис феодализма на Центральном Кавказе. — Вопросы истории, 1981, № 1.

³⁹ Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев, в. I, с. 4.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Считать, что нормы обычного права являются зеркальным отражением социального бытия не совсем верно. Они всегда от него немного отстают.

⁴² Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев, в. I, с. 7—13.

⁴³ Там же, с. 27—38.

⁴⁴ Там же, с. 39.

⁴⁵ Леонтович Ф. И. О кавдасардах и детях боярских. — Рефераты заседаний VI Археологического съезда в Одессе. Одесса, 1884, с. 8—9.

источникам, лишь некоторые «дети боярские» приобретали социальный статус, присущий боярству со всеми его привилегиями и правами. Другая часть «детей боярских» оставалась в приниженном положении «отрочества». По мнению Ф. И. Леонтовича, все перечисленные категории были дети от неравных браков бояр с женщинами более «низкого» происхождения, «робьи дети». Для сравнения автор обратился к современной ему кавказской действительности. Он считал, что подтверждением его предположения является наличие в феодально-патриархальном осетинском обществе особой прослойки лиц, так называемых кавдасардов. Это были дети от связей представителей привилегированной осетинской верхушки — «алдаров» и «баделят» с наложницами «номылус». Кавдасарды никогда не достигали социального статуса отцов, оставаясь всю жизнь в приниженном, полурабском состоянии. В данном случае Ф. И. Леонтовичу не откажешь в остроумии и смелости сравнительных ассоциаций, однако — и это отмечали уже современники — обобщения автора не имеют за собой достаточного обоснования в русских источниках⁴⁶.

К кавказскому историко-этнографическому материалу Ф. И. Леонтович обращался и в дальнейшем. В частности, в своей работе «Школьное дело в Древней России»⁴⁷ он высказал мысль, что лица, известные в списках Русской Правды как «кормильцы» и встречаемые позже в летописных сводах «дядьки», соответствуют аталыкам у кавказских народов. В XIX в. обычай аталычества имел весьма широкое распространение у горских народов Кавказа. По этому обычаю после рождения в знатной семье ребенка его отдавали на воспитание и полное содержание в другую семью, стоявшую, как правило, ниже по социальной лестнице. В этой семье воспитанник жил вплоть до совершеннолетия, после чего возвращался к родителям, которых зачастую только тогда впервые и видел. Живя уже в родительском доме, воспитанник сохранял самые тесные контакты и эмоциональную связь с воспитателем — аталыком и членами его семьи; как считалось, он был связан с ними узами молочного родства, которое фактически приравнивалось к кровному. Вследствие этого аталыки всегда играли важную роль в жизни своих воспитанников, являясь, с одной стороны, их вассалами, а с другой, — названными родственниками, советчиками, верными помощниками в любом задуманном предприятии, наконец, мстителями за нанесенные им обиды.

По Ф. И. Леонтовичу, древнерусский обычай воспитания молодых княжичей и других отпрысков знатных боярских фамилий обязательно под руководством специально приставленных людей — «кормильцы», «дядьки» — являлся полной аналогией кавказскому аталычеству. Причину возникновения этого обычая в Древней Руси Ф. И. Леонтович видел в том, что князю, редко бывавшему подолгу у семейного очага, некогда было самому заботиться о детях, поэтому он передавал их на воспитание ближайшим сподвижникам.

Позднейшие исследования выявили сущность аталычества как универсального института, восходящего своими корнями к эпохе родового строя и в значительно трансформированном виде продолжавшего играть важную и весьма своеобразную роль в условиях перехода к феодализму⁴⁸. В остальном догадка Ф. И. Леонтовича об идентичности кавказского аталычества и древнерусского кормильства полностью подтвердилась⁴⁹.

Таковы основные этнографические сюжеты, представленные в научном наследии Ф. И. Леонтовича. Как это ни парадоксально прозвучит,

⁴⁶ Тарановский Ф. В. Указ. раб., с. 147.

⁴⁷ Леонтович Ф. И. Школьное дело в Древней России. — Варшавские университетские известия. Кн. V. Варшава, 1894.

⁴⁸ Косвен М. О. Аталычество. — Сов. этнография, 1935, № 2; Гарданов В. К. Аталычество. — IX МКАЭН (Чикаго, сентябрь, 1973). Доклады советской делегации. М.: Наука, 1973.

⁴⁹ Гарданов В. К. «Кормильство» в Древней Руси. — Сов. этнография, 1956, № 6; см. также: Гарданов В. К. «Дядьки» Древней Руси. — Исторические записки. Т. 71. М., 1961.

но Ф. И. Леонтович, занимаясь этими вопросами, не считал, что он имеет дело с этнографической проблематикой. Так, изучение обычного права он целиком и полностью относил к прерогативам юриспруденции, и даже выговаривал другому известному исследователю — В. В. Богишичу за путаницу в этом вопросе⁵⁰. Тем не менее объективно Ф. И. Леонтович внес существенный вклад в этнографическую науку.

Ф. И. Леонтович с самого начала своей научной деятельности был активным приверженцем сравнительно-исторического метода исследования. Обширность и глубина знаний позволили ему свободно и легко оперировать материалом, относящимся к разным эпохам, странам и народам, проводить сравнения и находить аналогии между разделенными во времени и пространстве явлениями и фактами. При этом сравнительно-исторические приемы для Ф. И. Леонтовича никогда не являлись лишь самоцелью. Он прибегал к ним только для подкрепления строгой цепи собственных доказательств, никогда не доходя при этом до наукообразного жонглирования разнопорядковыми, но внешне похожими явлениями. Поэтому каждое его сравнение было оправдано, каждая аналогия логически подтверждала высказанную мысль. Другое дело, что сейчас, спустя почти 100 лет, можно усомниться в правомерности некоторых проводимых им параллелей. Однако это нисколько не умаляет значение тех принципов, которыми руководствовался ученый, никогда не отставивший абсолютную продуктивность сравнительно-исторического метода. Это полностью согласуется с современными воззрениями на эвристические возможности этого метода.

Трудно предполагать, что Ф. И. Леонтович был основательно знаком с трудами классиков марксизма. Однако полностью исключить такую возможность нельзя. В этом отношении весьма знаменательна его точка зрения на то, что «народная культура в своем поступательном движении, прежде всего и по преимуществу, подчиняется условиям экономической жизни народа, — условиям, которые... составляют самый ранний и самый могучий двигатель общественной жизни»⁵¹. Подход Ф. И. Леонтовича к рассмотрению историко-этнографического материала с таких позиций делает его взгляды для нас особенно интересными.

Вклад Ф. И. Леонтовича в науку, в частности в этнографию, должен оцениваться с позиций того времени, в которое он творил. Некоторые его положения не выдержали проверки временем или были значительно дополнены и уточнены последующим развитием наших знаний. Однако даже заблуждения крупного ученого достойны внимания, ибо в любом случае это плод масштабного осмысления материала, одна из ступеней в развитии науки. Но главные заслуги ученых измеряются, конечно, не их заблуждениями, а деятельностью, которая разрешив определенный круг вопросов, дает тем самым импульс для последующего развития научной мысли. В этом отношении Ф. И. Леонтович по праву занимает почетное место в истории отечественной науки.

⁵⁰ Леонтович Ф. И. Заметки о разработке обычного права, с. 130.

⁵¹ Леонтович Ф. И. Арийские основы общественного быта славян. Варшава, 1897, с. 4.